

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ОБУЧЕНІЯ ¹⁾.

Ближайшая цѣль обученія есть сообщеніе воспитаннику свѣдѣній или знаній. Первое и основное достоинство всякаго знанія состоитъ въ истинности его, т. е. въ согласіи нашихъ умопредставленій о предметахъ знанія съ самими этими предметами: поэтому *истинность* и составляетъ первое начало обученія. Но обученіе должно вмѣстѣ и воспитывать, а это требуетъ такой *сочувственной связи* между учителемъ и учениками, при которой дѣло обученія съ обѣихъ сторонъ совершалось бы охотно, съ доброю волею, съ благодушіемъ. Отсюда—*благодушіе или охотность* обученія, какъ второе основное начало его. Наконецъ, всѣ способы и предметы обученія должны быть наилучшіе приспособлены къ цѣлямъ, особенно къ одной, высшей цѣли всего духовнаго развитія воспитанника, что и составляетъ *гармонію или благоустройство* обученія.

І. Истинность обученія.

Истинность обученія требуетъ, чтобы учитель истинно сообщалъ ученикамъ свѣдѣнія, а ученики истинно усваивали

---

¹⁾ Отрывокъ изъ общей части «Руководства къ первоначальному обученію», приспособленнаго, по возможности, къ программѣ педагогическ. изданной для семинарій. Не имѣя притязанія на оригинальность, предлагаемый опытъ въ разныхъ жѣстахъ представляетъ заимствованія изъ авторовъ, какіе имѣлись въ виду и при составленіи семинарскаго программы.

ихъ. Разсматриваемая съ этихъ двухъ сторонъ, истинность обученія представляетъ слѣд. качества или требованія.

а) *Самообразование учителя.* Кто хочетъ учить, образовывать другихъ, тотъ долженъ быть самъ наученъ, образованъ. Нельзя другимъ дать того, чего не имѣемъ сами. Учитель естественно долженъ быть выше учениковъ по своему образованію и сознавать себя вполне способнымъ образовывать ихъ. Отсюда первая обязанность учителя—заботиться о своемъ образованіи. Начальнымъ источникомъ образованія служить для него *правильное и полное училищное образованіе*. Начальство и общество обязаны заботиться, чтобы учителя были изъ лицъ получившихъ такое образованіе, а не изъ самозванныхъ грамотѣевъ или недоучекъ, какихъ не мало въ нашихъ народныхъ училищахъ. Если же послѣдніе, по необходимости, и могутъ допускаться сюда, то не иначе, какъ съ испытаніемъ и подготовкой въ особыхъ педагогическихъ учрежденіяхъ, гдѣ бы они ознакомились и съ методами обученія и съ предметами его. Такія учрежденія полезны и для прошедшихъ полный курсъ ученія. Вообще успѣшное прохожденіе этого курса кандидатомъ на учительство еще не есть полное ручательство за способность его къ своему призванію. Надо быть хорошимъ ученикомъ, чтобы быть хорошимъ учителемъ; но не всякій хорошій ученикъ бываетъ хорошимъ учителемъ. Достоинство истиннаго учителя вырабатывается въ зависимости отъ того, какъ самъ онъ заботится о своемъ образованіи, трудится надъ самообразованіемъ, изыскивая источники и способы къ тому, какими могутъ быть: чтеніе книгъ, особенно образцовыхъ и классическихъ въ своемъ родѣ писателей, которые должны быть, такъ сказать, его постоянными друзьями—совѣтниками,—живое обращеніе съ людьми болѣе свѣдущими, образованными, опытными, знатоками дѣла, съ цѣлю заимствовать и повѣрять себя ихъ совѣтамъ, указаніямъ, при-

мѣромъ,—обмѣнъ мыслей, опытовъ, наблюденій съ товарищами по призванію, одушевленный общимъ стремленіемъ къ истинѣ, къ совершенствованію,—наконецъ собственныя посильныя упражненія каждаго учителя въ наблюденіи, изученіи, изслѣдованіи, примѣненіи того, что входитъ въ область необходимыхъ для него знаній. Такой подвигъ учителя для самообразованія будетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ совершеннѣе будетъ внутреннее начало, одушевляющее его на подвигъ. Дѣло самообразованія должно быть для него не чѣмъ либо случайнымъ, вызываемымъ какими либо внѣшними требованіями, а постояннымъ, само-бытнымъ стремленіемъ, исходящимъ изъ искренней, чистой любви къ истинѣ, выражающейся въ стремленіи къ знанію, къ убѣжденію. Любовь эта прирождена человѣку, какъ свойство его разумной природы. Познаніе не есть только средство къ достиженію какихъ либо выгодъ и удобствъ житейскихъ, а имѣетъ цѣну само по себѣ, какъ пища для нашего духа, какъ внутренній свѣтъ, какъ истина, безъ которой духъ нашъ не наслаждается высшею и лучшею жизнію. Кто одушевленъ такою любовію къ истинѣ, тотъ не можетъ быть равнодушнымъ къ своему невѣдѣнію или полузнанію, особенно въ предметахъ занимающихъ его, не будетъ довольствоваться чѣмъ либо сомнительнымъ, смутнымъ или принятымъ въ-готовѣ и на-вѣру отъ другихъ, если только можетъ самъ испытать и повѣрить это,—словомъ, будетъ постоянно заботиться не только о расширеніи и возвышеніи уровня своихъ знаній, но и о томъ, чтобы его знанія, умопредставленія переходили въ живыя и твердыя *убѣжденія*, которыми будетъ дорожить какъ сокровищами души своей и которыми будетъ всегда вѣренъ, не смотря ни на какія искушенія. Счастливъ наставникъ, если такая чистая любовь къ истинѣ жива и сильна въ немъ отъ самой природы: онъ долженъ признать ее въ себѣ не только даромъ природы, но и *даромъ Божиимъ*, который обя-

занъ *возиривать въ себя!* Но и всякій наставникъ, какъ сѣятель знанія, истины, долженъ воспитывать въ себѣ эту любовь. Обеспечивая ему высшій успѣхъ въ подвигѣ самообразованія, она этимъ самымъ сдѣлаетъ его истинно достойнымъ своего призванія. Любя знаніе, цѣня образованіе въ самомъ себѣ, онъ будетъ любить и цѣнить ихъ въ другихъ: передача знаній будетъ внутреннею потребностію души его, не терпящей невѣжества, заблужденія и стремящейся распространять вокругъ себя свѣтъ знанія, истины. Въ трудахъ самообразованія для него, на собственномъ опытѣ, уяснится многое, изъ чего складается искусство учить, образовывать, которое не дается тому, кто не трудился надъ своимъ образованіемъ, хотя бы онъ и обладалъ какими либо знаніями, доставшимися ему, такъ сказать, случайно, какъ нибудь, благодаря обстоятельствамъ, а не личнымъ усиліямъ его. Понятно далѣе, что чѣмъ сильнѣе учитель знаніями, убѣжденіями, тѣмъ болѣе онъ можетъ падѣяться на *вниманіе* и *доверіе* къ нему учениковъ, служація первыми звеньями возникающей при обученіи устной связи между учениками и учителемъ. Любовь его къ знанію, къ истинѣ, дѣйствуя на учениковъ, вызоветъ въ нихъ любознательность, которая и ему и имъ облегчитъ дѣло обученія. Любовь къ истинѣ, какъ побужденіе къ самообразованію, особенно важна для того, кто образуетъ себя въ преподавателя ученія вѣры, какъ вѣчной, божественной истины. Здѣсь эта любовь должна быть любовью къ самому источнику истины—Богу Спасителю, и тогда она сама будетъ источникомъ истиннаго познанія. *Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога*, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ; тотъ слѣд. не научитъ и другихъ истинному познанію Бога.

б) При общей заботливости о самообразованіи, учитель долженъ къ частности заботиться о *приготовленіи* себя къ преподаванію *избраннаго предмета* и *каждаго предстоящаго*

урока по нему. Старая учебная практика наша считала возможным довольно перѣдко поручать кандидатамъ на учительство преподаваніе мало знакомыхъ имъ предметовъ, на томъ основаніи, что общее развитіе, общее образованіе такихъ учителей поможетъ имъ изучить свой предметъ уже во время самаго преподаванія, по старой пословицѣ: *docendo discimus*. Еще менѣе казалось необходимымъ нарочитое приготовленіе къ преподаванію предметовъ обученія первоначальнаго. Но чего стоило и учителямъ и ученикамъ то время, когда, уже будучи учителями, они почти еще начинали сами учиться своему предмету! Учитель, который учится почти заравно съ своими учениками, опережая ихъ развѣ на два, три шага въ ходу ученья,—такой учитель подобенъ слѣпому вождю. Онъ всдѣтъ своихъ учениковъ оцупью, какъ бы въ темнотѣ, теряя изъ виду то, что и сколько прошелъ, не различая ясно и того, что и сколько надо ему пройти. Живетъ онъ, такъ-сказать, день за день и потому жалокъ на своемъ постѣ. Не онъ владѣетъ предметомъ своимъ, а предметъ давитъ его, не объ ученикахъ онъ заботится, но о себѣ беспокоится. Въ дѣлѣ преподаванія теряется для него то высокое, возбуждающее и одушевляющее наслажденіе, съ какимъ оно соединено, когда учитель, взялся за свое дѣло послѣ достаточнаго приготовленія къ нему. Приготовленіе это состоитъ, во-первыхъ, въ усвоеніи предмета *въ цѣломъ составѣ*: это приготовленіе *общее, отдаленное*. Не прежде учитель долженъ начать свои уроки, какъ изучивъ весь предметъ или, по крайней мѣрѣ, изучивъ въ цѣлости ту, болѣе или менѣе обширную и округленную, часть его, по которой начнетъ уроки. Безъ этого онъ не уяснитъ основательно ни себѣ, ни ученикамъ каждаго отдѣльнаго урока, вопроса въ своей наукѣ, не свяжетъ одного урока съ другимъ и проч. Такое общее, отдаленное приготовленіе должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока учитель путемъ

непрерывнаго изученія, опыта, практики не овладѣть вполнѣ своимъ предметомъ, не будетъ въ состояніи, при каждомъ случаѣ, воспроизводить въ своемъ сознаніи, памяти все, что знаетъ по нему. Но рядомъ съ этимъ общимъ приготовленіемъ должно идти, во-вторыхъ, приготовленіе *частное, ближайшее*, т. е. приготовленіе къ *каждому уроку*. Здѣсь учитель долженъ хорошо припомнить себѣ и ученикамъ, чѣмъ онъ закончилъ предъидущій урокъ, какъ вяжется онъ съ предстоящимъ; долженъ ясно опредѣлить содержаніе и объемъ урока; долженъ твердо напечатлѣть въ своемъ сознаніи и памяти всѣ частности, поясненія, примѣры и т. п., какія могутъ придать большую выразительность его уроку. Все это можетъ легко ускользнуть изъ сознанія, забываться даже при хорошемъ знаніи своего предмета. А при такой забывчивости учитель постоянно будетъ зачинаться, останавливаться, а иной—прибѣгать и къ помощи книги, тетради, что все мѣшаетъ впечатлѣнію урока, разстраиваетъ вниманіе юныхъ и нетерпѣливыхъ слушателей его, которое ему придется возстановлять ужъ развѣ неприятными напомниманіями: «тише! слушайте!» и проч. Имѣя все это въ виду, можно совѣтовать особенно начинающимъ учителямъ писать *черновики своихъ лекцій*..., чтобы быть *вполнѣ готовыми и уверенными*. "д.х.т.а.с.с. и приучиться вполнѣ обрабатывать свои лекціи. Отсюда не слѣдуетъ однако, что написанныя лекціи должно *буквально заучивать наизусть*. Это стѣснило бы свободу и живость преподаванія, послужило бы источникомъ новыхъ замѣщательствъ для учителя, когда извѣстное слово, выраженіе забудется, что очень легко случается, либо ему покажется, что его не поняли, что нужно повторить, пояснить сказанное и т. п. Вообще приготовленіемъ къ лекціи учитель долженъ обезпечить себѣ не только положительное, возможно полное обладаніе предметомъ ея, но и независимость своего препода-

даванія отъ всякихъ случайностей, вызываемыхъ непонятливостью, разсѣянностью, либо наивною, а подѣ часъ и нѣсколько лукавою пытливостью своихъ юныхъ слушателей и т. под. Понятно, какъ далеки отъ истиннаго достоинства учителя тѣ, которые, не изучивъ сами предмета, успокоиваются на книгѣ или чужихъ запискахъ, слѣпо держатся ихъ. Про такихъ ученики скажутъ, что съ книгою или тетрадью въ рукахъ они могли-бы тотчасъ занять ихъ мѣсто.

в) Какъ бы хорошо ни приготовился учитель къ своему дѣлу, онъ не долженъ успокоиваться на разѣ усвоенномъ знаніи и преподаваніи своего предмета, а постоянно усовершенствовать и другое. Съ этою цѣлію учитель долженъ строго слѣдить за собою, испытывать себя, безпристрастно обсуждать, повѣрять свое преподаваніе, но также—быть внимательнымъ къ отзывамъ и сужденіямъ о немъ и другихъ лицъ, не только высшихъ и равныхъ ему по развитію, но даже и низшихъ, особенно своихъ учениковъ. И если онъ самъ, или по указанію другихъ, примѣтитъ, что какія либо свѣдѣнія и понятія его неточны, смутны, даже невѣрны, приемы преподаванія неудовлетворительны; то какъ бы онъ ни свѣлся съ ними, онъ долженъ отказаться отъ нихъ, или исправить ихъ, отлагая въ сторону всякаго самолюбія. Чѣмъ та тѣлѣтъ члвчмъ трудмъ. Ошибки и недостатки—дѣло человѣческое: они могутъ найтись и у самаго даровитаго и опытнаго учителя, а тѣмъ болѣе у новичка. И Сократъ дремлетъ, говоритъ старая пословица. Сами по себѣ ошибки не составляютъ преступленія въ учителѣ; но поистинѣ преступленіемъ было бы упорство въ нихъ, происходящее отъ самолюбія, или лѣности, равнодушія къ дѣлу. Добросовѣстное сознаніе учителемъ своихъ ошибокъ и недостатковъ не подорветъ, а еще усилитъ довѣріе къ нему учениковъ, какъ скоро ошибочное, недостаточное будетъ замѣнено вѣрнымъ и лучшимъ. Желательно, однако, чтобы учитель не

часто вынуждался къ такому сознанию, что могло бы уже колебать довѣріе къ нему, между тѣмъ какъ, по самому положенію своему, онъ долженъ духовно возвышаться надъ своими учениками и до извѣстной степени казаться имъ непогрѣшимымъ.

Но не въ исправленіи только ошибокъ и недостатковъ должно состоять усовершеніе учителемъ своего знанія и преподаванія, а еще въ дальнѣйшемъ развитіи и расширеніи своихъ знаній, въ обогащеніи себя новыми свѣдѣніями, понятіями, открываемыми и вырабатываемыми движеніемъ науки, въ постоянномъ усвоеніи новыхъ, улучшенныхъ способовъ преподаванія. Это не значить, чтобы учитель постоянно измѣнялъ общія основы преподаваемаго: основы эти могутъ быть и тѣже, если онъ хорошо и прочно поставлены; но на нихъ, какъ на стволѣ живаго дерева, должны отъ времени до времени развиваться новыя вѣтви, вырастать свѣжіе плоды знанія. Къ каждому новому курсу въ преподаваніи учитель долженъ приступать съ пріятною увѣренностію, что онъ сильнѣе въ своемъ дѣлѣ, сдѣлаетъ нѣчто лучше, чѣмъ прежде, что вообще истинность его обученія возвышается, совершенствуется. Такой способности и стремленія къ совершенствованію учитель никогда не долженъ утрачивать, доколѣ онъ стоитъ на своемъ постѣ, помня, что вообще нѣтъ предѣла для совершенствованія въ знаніи, въ наукѣ, по древней пословицѣ: *ars longa, vita brevis est*. Истинному учителю должно быть чуждо то упорное пристрастіе къ устарѣлому, которое происходитъ отъ того, что чрезъ долгое время онъ свыкся съ извѣстными понятіями, какъ свыкаются съ старымъ домомъ или одеждою, или же въ самообольщеніи считаетъ свое старое совершенствомъ, не вѣдая либо не желая вѣдать, что это старое, бывшее въ свою пору удовлетворительнымъ, пригоднымъ, потеряло уже свою цѣну, пригодность, по крайней мѣрѣ

вамъ неко лучшимъ и болѣе пригоднымъ. Не долженъ учитель утешивать себя и тою мыслию, что, и при относительной ограниченности своихъ старыхъ знаній, онъ все таки выше учениковъ, что имъ, какъ малолѣтнимъ и малосвѣдущимъ, довольно *чего нибудь не много*. Совершенствуется не только высшее, но и начальное обученіе, объ усовершеніи котораго должно быть тѣмъ болѣе заботы, чѣмъ долѣе оно стояло у насъ неподвижно, въ коснѣніи. Чѣмъ шире, совершеннѣе будутъ знанія учителя, тѣмъ лучше распорядится онъ ими въ преподаваніи. Напротивъ, остановившись, закоснѣвъ на томъ, что разъ приобрѣлъ, установилъ для себя, учитель неизбежно окажется отсталымъ въ своемъ дѣлѣ, въ преподаваніи его стануть утрачиваться и тѣ достоинства, какія имѣлись прежде, и это будетъ уже знакомъ, что пора его кончается, что требуются новые дѣятели на его мѣсто.

г) Изъ всего, что приобретаетъ учитель путемъ непрерывнаго совершенствованія своихъ знаній, онъ долженъ выбирать для передачи ученикамъ наилучшее и то, что наиболѣе запечатлѣно характеромъ истинности. Отсюда правило дидактики: *передать ученикамъ общепризнанное и общепринятое и устранить изъ преподаванія мнѣнія частныя, сужденія неопредѣленныя... а тѣмъ болѣе противоположныя другъ другу и общепринятому*. Въ каждой наукѣ есть свѣдѣнія и предметы главные и существенныя, которыми наиболѣе опредѣляется ея общеобразовательное и жизненное значеніе и которые поэтому необходимо входить въ кругъ классическаго изученія ея. Эти-то свѣдѣнія и долженъ выдѣлать въ своемъ сознаніи учитель для передачи ученикамъ, тщательно наблюдая, чтобы они не заслонялись свѣдѣніями, имѣющими лишь второстепенное, частное, косвенное значеніе въ наукѣ, а тѣмъ болѣе избѣгая всякихъ мелочей, хотя бы ими и могло интересоваться праздное любопытство. Поэтому выборъ свѣдѣній для

преподаванія не долженъ опредѣляться для учителя личнымъ вкусомъ, случайнымъ настроеніемъ головы, ни даже тѣмъ, что одно что-нибудь въ наукѣ онъ изучилъ шире, чѣмъ другое. Вообще иное дѣло изучить предметъ, иное преподавать его. Изъ всего, съ чѣмъ неизбѣжно или случайно встрѣчался самъ учитель при изученіи предмета, онъ долженъ передавать лишь то, что нужно и пригодно для всѣхъ, для существеннаго знанія науки. Наконецъ, крайне предосудительною была бы въ учителѣ та безпечность, при которой онъ довольствовался бы въ преподаваніи всякимъ встрѣчнымъ объясненіемъ, считая его достаточно годнымъ для учениковъ, какъ людей еще не размышляющихъ, хотя предъ образованными людьми съ такимъ объясненіемъ стыдно было бы и показаться. Учитель, напротивъ, долженъ сознавать, что передаваемое имъ въ стѣнахъ класса предъ учениками могло бы быть сказано и въ присутствіи судей, самыхъ свѣдущихъ и зрѣлыхъ. Далѣе, свѣдѣнія въ наукѣ приобрѣтаются и устанавливаются постепенно и по частямъ, усиліями многихъ умовъ. Высшее достоинство истинности имѣютъ тѣ изъ нихъ, которыя утверждены согласіемъ наибольшей части представителей науки, общепризнаны и общеприняты въ ней. Такія-то свѣдѣнія и долженъ передавать учитель воспитанникамъ. Начальному учителю не будетъ необходимости самому опредѣлять общегодное и общепринятое для преподаванія. Здѣсь онъ долженъ слѣдовать общепринятымъ современною наукою и практикою учебникамъ и руководствамъ, стараясь по возможности согласовать съ ними собственное убѣжденіе и практику. Пбо современная наука и практика, какъ выработанная постепеннымъ и долгимъ развитіемъ, представляетъ, конечно, наиболѣе ручательствъ истинности и общегодности сообщаемого ею. Устраняя, по возможности, ошибки и заблужденія прежней науки, современная наука наследуетъ отъ нея наиболѣе вѣрные и

прочныя свѣдѣнія, бывшія общепризнанными нерѣдко уже для вѣновъ и поколѣній, даетъ имъ новое развитіе, разъясненіе, примѣненіе, и присоединяетъ къ нимъ новыя свѣдѣнія и понятія. Правда, въ современной педагогической практикѣ многое такъ еще ново, что лучшее далеко не всегда оказывается общепринятымъ; нерѣдко, напротивъ, общепринятое отзывается рутинною, косою: поэтому лучшаго въ современной наукѣ и практикѣ онъ долженъ искать въ согласіи по крайней мѣрѣ наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ представителей современной науки. Передавая общегодное и общепринятое, учитель долженъ, сказали мы, устранять изъ преподаванія мнѣнія частныя, недозрѣлыя. Частныя мнѣнія, догадки, предположенія важны для развитія и разработки науки, но съ ними и должны имѣть дѣло лишь ученые, занимающіеся разработкою науки; а въ преподаваніи они неумѣстны, ибо здѣсь требуется сообщать лишь то, что твердо установлено и составляетъ, такъ сказать, дѣйствительный капиталъ науки, и не расходовать времени и силъ на то, что можетъ быть еще непрочнымъ и можетъ даже породить неопредѣленность, шаткость въ представленіяхъ учениковъ, еще не опытныхъ въ дѣлѣ изслѣдованія истины.—Учителя не должны увлекать даже новостью, оригинальностью и смѣлостью какого-либо частнаго мнѣнія, взгляда. Новое можетъ оказаться еще незрѣлымъ, оригинальное—одностороннимъ и даже крайнимъ, смѣлое—мечтательнымъ. Особенно надобно избѣгать такихъ мнѣній и сужденій, которые противорѣчатъ одно другому, а учитель между тѣмъ не можетъ согласить, примирить ихъ, или дать рѣшительное предпочтеніе одному изъ нихъ. Все это будетъ вредить не только вѣрности и опредѣленности представленія о предметѣ у воспитанниковъ, но и подрывать въ нихъ самую вѣру въ истину и располагать ихъ къ индифферентизму, возбуждая мысль, что истина можетъ быть и не одна и что она

может совмѣщаться съ дожью и заблужденіемъ. Вообще изъ частныхъ и разногласящихъ сужденій учитель долженъ, если надобно, сообщать лишь тѣ, которыя могутъ быть приведены въ ближайшую связь и согласіе съ общепризнаннымъ. Остерегаясь чужихъ сужденій, не имѣющихъ авторитета общепризнанности, учитель начальной школы долженъ быть чуждъ пристрастія и къ собственному оригинальничанью. Оно можетъ даже принести большой вредъ при самоувѣренности, самонадѣянности учителя. Онъ долженъ скромно сознать, что его призваніе—не двигать впередъ науку, какъ науку, не вырабатывать ее, для чего есть высшія училища и ученые учрежденія, а научать начинающихъ тому, что уже знаютъ другіе, расширять, а не возвышать царство науки. Можетъ ко-счастливиться что либо вполне самостоятельное, оригинальное и начальному учителю, но подобныя исключенія необычайно рѣдки: успокоиваться на нихъ опасно!

д) Обезпечивая истинность свѣдѣній, сообщаемыхъ ученикамъ, учитель обязанъ заботиться о томъ, чтобы ученики истинно усвоили ихъ. Наиболѣе общимъ требованіемъ, направленнымъ къ этой цѣли, есть *убѣдительность преподаванія*. Учитель долженъ убѣдить учениковъ въ истинности того, что онъ преподаетъ. Сила такой убѣдительности зависитъ отъ силы собственного убѣжденія учителя въ истинности преподаваемого. Потому учитель не долженъ успокоиваться на томъ, что онъ преподаетъ общепризнанное: это общепризнанное онъ долженъ по возможности сдѣлать и своимъ лично, образовать по нему собственное убѣжденіе—путемъ возможной для него повѣрки, испытанія того, что основано на чужомъ, хотя и общемъ или высокомъ авторитетѣ. Только глубокое и сильное убѣжденіе придастъ теплоту и жизненность его слову, такъ что оно будетъ непосредственно ложиться на душу слушающихъ. Если учитель не имѣетъ надлежащаго убѣжденія

только въ **яв**которыхъ частяхъ преподаваемаго предмета, то чрезъ это ни преподаваніе его не лишится своей теплоты и силы, ни онъ самъ—довѣренности учениковъ. Но если убѣжденія его шатки въ цѣломъ предметѣ, то эта шаткость неизбѣжно замѣтится учениками, и тогда уже не можетъ быть рѣчи о силѣ и дѣйственности его слова. Никакимъ краснорѣчіемъ, искусствомъ, даже ученостію фактическаго свойства учитель не искупить, не замѣнить недостатка внутренняго убѣжденія. Но всего хуже, если бы личныя убѣжденія учителя оказывались въ положительномъ разногласіи съ тѣмъ, что и какъ онъ считаетъ нужнымъ или болѣе удобнымъ преподавать по требованіямъ программы, предписаній, или какимъ бы то ни было обязательствамъ. Такое преподаваніе отзывалось бы лицемеріемъ, отсутствіемъ искренности, чистосердечія. Будучи тягостнымъ для самого учителя, лишенное внутренней теплоты и силы, такое преподаваніе не будетъ свободно отъ частыхъ противорѣчій, при неизбѣжномъ столкновеніи въ сознаніи учителя убѣжденій своихъ и чужихъ. Высшею степенью убѣдительности преподаванія будетъ то, когда мысли, высказываемыя учителемъ, готовы выразиться въ его дѣйствіяхъ, когда съ ученіемъ согласуется и жизнь его. Такая сила убѣдительности требуется особенно въ преподаваніи ученія вѣры. Слово о вѣрѣ должно исходить изъ глубокой и живой вѣры: тогда только оно будетъ словомъ живымъ и дѣйственнымъ, проникающимъ въ мысль и сердце слушающаго. Возбуждая въ немъ вѣру, оно настроитъ и разумъ его къ воспріятію божественной истины: *если не уверуете, говоритъ слово Божіе, то и не уразумѣете*. Внутренняя сила собственныхъ убѣжденій учителя есть *общее, психическое* условіе убѣдительности преподаванія. *Логическими* условіями ея служатъ ясность и основательность обученія, которыя могутъ быть разсматриваемы и какъ особыя качества истиннаго обученія.

е) Чтобы убѣдить ученика въ чемъ нибудь, учитель долженъ прежде всего ясно передать ему это. *Ясность* обученія требуетъ, чтобы производимыя имъ умопредставленія въ ученикахъ сознавались ими съ такою же живостию, какъ самимъ учителемъ. Это, конечно, идеальное требованіе, потому что дѣти не способны къ такой ясности умопредставленій, какъ люди вѣрные, развитые; но учитель обязанъ удовлетворять этому требованію, по крайней мѣрѣ, въ возможной степени. Первымъ условіемъ ясности служитъ *отчетливость, точность* сообщаемыхъ свѣдѣній о предметѣ. Она требуетъ, чтобы предметъ представлялся въ сознаніи ученика со *всеми* существенными признаками или качествами своими, какъ онъ есть въ дѣйствительности, чтобы такимъ образомъ умопредставленіе о немъ во *всѣхъ чертахъ или качествахъ* было согласно съ своимъ первообразомъ и не смѣшивалось съ представленіями о другихъ предметахъ. Съ отчетливостию должна соединяться *раздѣльность*, требующая, чтобы ученикъ вполне сознавалъ не только всѣ признаки предмета въ ихъ совокупности, но и каждый изъ нихъ отдѣльно. Отчетливость и раздѣльность даютъ умопредставленію *опредѣленность*: предметъ его получаетъ въ сознаніи свои собственные, такъ сказать, законченные и округленные, *предѣлы* и находитъ мѣсто *въ ряду другихъ предметовъ* сродныхъ ему, сходственныхъ съ нимъ или отличныхъ отъ него. Будучи отчетливымъ, раздѣльнымъ и опредѣленнымъ, умопредставленіе, во всей цѣлости своей, должно быть еще доведено до такой живости, чтобы предметъ его какъ бы самъ дѣйствительно предсталъ сознанію ученика, былъ какъ бы предъ глазами у него. На этой высшей степени своей ясность называется *видимостию, очевидностию*. Въ умопредставленіяхъ, опирающихся на чувственныхъ основаніяхъ, эта очевидность достигается именно дѣйствительнымъ разсматриваніемъ предмета. При невозможности

его, оно должно замѣняться изображеніемъ предмета въ рисунокѣ, картинѣ, или выразительнымъ описаніемъ его посредствомъ словъ. Даже отвлеченныя умопредставленія могутъ быть уясняемы и оживляемы чувственными наблюденіями, на основаніи которыхъ, путемъ обобщенія, устраненія всего случайнаго и несущественнаго въ предметахъ, и составляются у насъ отвлеченныя понятія. Это будетъ сообразно и съ естественнымъ ходомъ развитія дѣтей, которые также составляютъ себѣ понятія на основаніи своихъ наблюденій. Гдѣ не возможно, по незрѣлости дѣтей, такое развитіе отвлеченныхъ понятій изъ лежащихъ въ основѣ ихъ чувственныхъ наблюденій, тамъ необходимо объяснить отвлеченную мысль чѣмъ либо знакомымъ, понятнымъ, всего лучше видимымъ примѣромъ, сравненіемъ. Наконецъ ясность обученія требуетъ понятности языка, изложенія. Учитель долженъ удерживаться отъ всякихъ выраженій источныхъ, темныхъ, затруднительныхъ, ученыхъ, да и вообще отъ обычнаго ему, какъ человѣку развитому, образа мысленія и выраженія, и примѣняться къ образу мысленія и выраженія дѣтей. Сильно грѣшатъ противъ требованій понятности тѣ, которые заставляютъ дѣтей выучивать наизусть устарѣлыя формулы, опредѣленія, термины, не заботясь о ихъ вразумительности, и съ такими неясными понятіями проходятъ иногда весь курсъ науки. Надобно, чтобы ученикъ не произносилъ ни одного выраженія, не соединяя съ нимъ яснаго и точнаго представленія, которое при томъ онъ могъ бы пояснить или замѣнить и какими-либо другими, собственными выраженіями. Вообще ясность обученія требуетъ, чтобы учитель какъ возможно чаще справлялся, понимаютъ ли его ученики, такъ ли поняли, выразумѣли въ частности ту или другую мысль, то или другое выраженіе его, и не прежде шель далѣе, какъ увѣрившись въ ясномъ пониманіи пройденнаго. Что не ясно усвоено, то не усвоено

истинно. Ясность обученія важна не только въ дѣлѣ усвоенія ученикомъ тѣхъ или другихъ свѣдѣній въ частности, но и для всего умственного образованія его. «Если ученикъ получалъ непрерывно въ теченіе долгаго времени свѣдѣнія совершенно опредѣленные и ясныя, то всякая новая мысль, которая представится ему неясно, произведетъ въ немъ глубокое недовольство: она будетъ нарушать его постоянную привычку, съ которой онъ такъ сроднился; она скажется, какъ внутреннее препятствіе, какъ чувствительный толчокъ, который онъ попытается устранить всѣми средствами. Это качество свѣтлаго и отчетливаго ума останется за нимъ даже въ томъ случаѣ, если нѣкоторыя изъ тѣхъ свѣдѣній, съ помощію которыхъ оно добыто, изгладились изъ памяти. Но при этомъ ученикъ находится въ счастливомъ для образованія положеніи еще въ томъ отношеніи, что хорошо знаетъ, что знаетъ и чего не знаетъ, какими свѣдѣніями можетъ онъ владѣть спокойно, и какія свѣдѣнія нужно ему или пополнить или выяснить».

ж) Основательность обученія требуетъ, чтобы ученики усвоили свѣдѣнія *съ яснымъ сознаніемъ основъ, на которыхъ они опираются*. Это требуетъ прежде всего прочнаго усвоенія свѣдѣній *первоначальныхъ, простѣйшихъ, основныхъ въ своемъ родѣ или кругѣ*. Они составляютъ въ немъ, такъ сказать, азбуку, изъ которой образуются слоги и слова, и входятъ, какъ постоянные элементы, во всѣ другія познанія того же рода, слѣд. составляютъ прочную основу для пріема всѣхъ другихъ свѣдѣній. Чѣмъ лучше усвоены эти начальныя свѣдѣнія, тѣмъ лучше обезпечено усвоеніе свѣдѣній дальнѣйшихъ. Кто хорошо началъ, тотъ половину дѣла сдѣлалъ, говоритъ старая пословица. Но, далѣе, основательность должна простирается не на отдѣльныя только свѣдѣнія, хотя бы и начальныя, но на *цѣлый рядъ свѣдѣній и умопредставленій, воспринимаемыхъ ученикомъ, въ сознаніи котораго*

они должны имѣть живую *связь и послѣдовательность*. Это достигается постепеннымъ переходомъ отъ свѣдѣній простыхъ и первоначальныхъ къ болѣе сложнымъ и отдаленнымъ, разложениемъ послѣднихъ на первыя и упражненіемъ въ искусствѣ —выводить и изъяснять всякую мысль изъ ея простыхъ элементовъ, или находить для нея тѣ мысли, которыя ей предшествуютъ, какъ ея прочныя основы. Когда въ кругу усвоенныхъ свѣдѣній ученикъ въ состояніи удовлетворительно и сознательно отвѣчать на вопросы, представляющіеся каждому здравному уму: *какъ, почему, отчего, для чего*; то онъ усвоилъ эти свѣдѣнія основательно. Такая основательность въ усвоеніи свѣдѣній важна, какъ и ясность, для всего умственного образованія ученика, развивая въ немъ вообще наклонность къ мышленію отчетливому, основательному, устраняя легкость сужденій, верхоглядство. Изъ указанныхъ требованій основательности обученія сами собою видны и погрѣшности противъ нея. Погрѣшаетъ противъ нея тотъ, кто сразу, безъ должной постепенности, сообщаетъ ученику свѣдѣнія готовые, отдаленныя, или даже послѣдніе выводы наукъ, какія свѣдѣнія ученикъ можетъ усвоить не иначе, какъ въ видѣ простыхъ фактовъ, ни на чемъ не основанныхъ, а только заявленныхъ учителемъ, съ чѣмъ неизбѣжно связано съ одной стороны механическое заучиваніе того, что при соблюденіи постепенности было бы понято отчетливымъ мышленіемъ, съ другой — вредное чувство многознанія, располагающее къ верхоглядству. Книжки для дѣтей, составляемыя нашими педагогами, очень часто погрѣшаютъ противъ требованій основательнаго обученія: дитя пріобрѣтаетъ съ помощію ихъ легкое знакомство съ послѣдними выводами фیزیологіи, астрономіи и геологіи; оно кажется самому себѣ такъ умнымъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если оно испытываетъ глубокую нерасположенность учиться далѣе и болѣе, предается неодолимой лѣни

и оказывается неспособнымъ къ сужденіямъ строгимъ и основательнымъ. Противоположную погрѣшность въ обученіи составляетъ основательность *мнимая и переутомченная*. Первая бываетъ тогда, когда учитель старается выставить на показъ свои съ трудомъ пріобрѣтенныя понятія, и притомъ вовсе безъ толку, т. е. не соображая почвы съ сѣменами; утруждаетъ дѣтей *доказательствами*, которыя иногда едва подъ силу и взрослымъ, а взятые отдѣльно перестаютъ даже быть и доказательствами; наконецъ *любитъ удлиннять количество* доказательствъ, простирая ихъ *на мелочи*, такъ что наконецъ теряется изъ виду общая связь, ограничивается развитіе науки, а съ тѣмъ вмѣстѣ общее умственное развитіе воспитанника. *Переутомченная* основательность является тогда, когда отвергаютъ всякій успѣхъ не вполне сознательный, и всякое обученіе, не сопровождаемое всесторонними толкованіями, считаютъ не только напраснымъ, но даже вреднымъ. Это мнѣніе противорѣчитъ показаніямъ опыта. Въ цѣломъ развитіи каждаго человѣка безсознательное или полусознательное предшествуетъ сознательному. Человѣкъ учится ходить, говорить, пѣть и проч., вовсе не сознавая въ себѣ этого развитія; онъ дѣйствуетъ, не зная—какъ и почему. Такой порядокъ дѣйствій навсегда и останется, не смотря на всѣ успѣхи педагогіи: *сознаніе дѣйствія наступаетъ лишь послѣ самаго дѣйствія*, или уже много, если сопровождаетъ его. По такимъ-то соображеніямъ педагогія допускаетъ, даже въ видѣ *изъятія*, такъ называемое *фактическое обученіе*, когда учитель безъ дальнѣйшихъ толкованій заставитъ ученикамъ затвердить что либо, или изготovitъ дѣлать что нибудь такъ, какъ онъ показалъ. Если бы это было воспрещено, то при обученіи слѣдовало бы обѣгать всякія необъясненныя понятія и усвоенія по наглядкѣ или по наслышкѣ, а это, въ слѣдствіе связи каждаго понятія съ разнообразными явленіями жизни,

повело бы къ безконечнымъ околичностямъ. При фактическомъ обученіи имѣется въ виду *основательнѣйшее* изложеніе предмета въ *последствіи*, какъ при леммахъ въ математикѣ. Но само собою разумѣется, что, будучи часто примѣняемъ, этотъ способъ обученія сдѣлать бы его *механическимъ* и существенно подорвать бы основательность его.

з) Съ ясностію и основательностію обученія должна еще соединяться заботливость о *прочности* его, т. е. о томъ, чтобы усвоенныя свѣдѣнія и умопредставленія *вѣрно и твердо* сохранялись въ *сознаніи воспитанника*. Не имѣетъ большой цѣны обученіе, если плоды его таковы, что скоро сами по себѣ исчезаютъ, или вытѣсняются другими, не оставляя по себѣ и слѣда, или же остается отъ нихъ нѣчто смутное, даже искаженное противъ того, что и какъ было нѣкогда усвоено. Только вѣрно и прочно сохраняемыя свѣдѣнія могутъ быть потомъ примѣняемы и полезны въ жизни. Между тѣмъ по естественному ходу вещей, по свойствамъ самой души человѣческой, пріобрѣтаемыя свѣдѣнія и умопредставленія съ теченіемъ времени слабѣютъ въ ней; даже видѣнное нерѣдко изглаживается изъ памяти до послѣдняго слѣда. Учитель поэтому долженъ брать мѣры для предотвращенія такихъ потерь. Въ этому служатъ, во-первыхъ, ясность и твердость *самого восприматія* свѣдѣній въ сознаніи или *начальнаго усвоенія* ихъ. На что пристально посмотришь и что внимательно выслушаешь, то не легко изглаживается въ сознаніи, подобно тому, какъ дѣти, безъ всякихъ видовъ на будущее и безъ помощи искусства, удерживаютъ на всю жизнь въ памяти особенно замѣчательныя событія изъ своей жизни. Извѣстно также, что принятое съ бѣльшимъ разумѣніемъ, основательностію, убѣжденіемъ, хранится вѣрнѣе и прочнѣе. Итакъ требованіямъ вѣрности и прочности обученія учитель удовлетворитъ гѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе удовлетворитъ онъ изложен-

нымъ выше требованіямъ ясности и основательности. Частіе для прочности начального воспринятія сообщаемыхъ свѣдѣній требуется, чтобы учитель на первый разъ ограничивался сообщеніемъ ихъ лишь *въ общихъ чертахъ*, какихъ бываетъ всегда *немного* и какія поэтому могутъ быть вѣрнѣ замѣчены, тверже удержаны въ сознаніи ученика. Уже потомъ, при дальнѣйшемъ обученіи и по мѣрѣ развитія учениковъ, свѣдѣнія эти будутъ и восполняться, развиваться и получать большую ясность, опредѣлительность, слѣд. и прочность. Съ тѣмъ вмѣстѣ учитель долженъ тщательно повѣрять, испытывать свѣдѣнія и понятія ученика при самомъ возникновеніи ихъ въ сознаніи его, не допуская въ нихъ смутности и шаткости, при которыхъ бы ученикъ самъ не зналъ, вѣрно ли или нѣтъ то, что онъ представляетъ, знаетъ, говорить. Дѣти, которыя пересказываютъ учителю все безъ разбора, правильное и невѣрное, ясное и не ясное, не отличая изобрѣтеній собственнаго воображенія отъ дѣйствительно или видѣннаго или слышаннаго, такіа дѣти—на дурной дорогѣ, и учителю лучше совсѣмъ отказаться на время отъ дальнѣйшихъ съ ними успѣховъ, и сперва провѣрить и исправить ихъ прежнія умопредставленія. Но часто учителя, по излишней торопливости бываютъ сами виновны непознаваемости обученія...если требуютъ скорыхъ отвѣтовъ, быстрого рѣшенія задачъ, и ученикъ, не успѣвая справиться, начинаетъ говорить или писать все, что взбредетъ ему въ голову, и навываетъ при этомъ успокоивать свою совѣстливость. Иные учителя мало заботятся объ исправности отвѣтовъ; они задаютъ, отвѣтовъ же или вовсе не слушаютъ, или выслушиваютъ ихъ кое-какъ, иногда не дослышавъ похвалить, а ученикъ-то совралъ, или забрантъ, а отвѣтъ былъ правильный. Отсюда и выходитъ знаніе не твердое и непрочное, или полугнаніе, которое хуже незнанія, ибо при послѣднемъ еще возможно обученіе, а

первое, вводя въ обманъ, располагаетъ къ самообольщенію, заносчивости. Но заботясь о прочности знаній и понятій учениковъ, при самомъ воспринятіи ихъ послѣдними, учитель обязанъ, во-вторыхъ, заботиться о постоянномъ упрочиваніи ихъ, обновляя ихъ въ души ученика съ помощію повтореній. Частныя правила для повтореній укажутся ниже. Здѣсь ограничимся слѣдующими общими замѣчаніями: надо постояннымъ искуснымъ упражненіемъ укрѣпить самую способность, служащую къ храненію и воспроизведенію представленій, т. е. память, такъ чтобы она, вѣрно храни ихъ, воспроизводила не страдательно, а по требованію мысли и воли. Ибо есть люди, которые страдательно хранятъ представленія, не извлекающая изъ того никакой пользы; при удобномъ случаѣ они, пожалуй, вспомнятъ, что и они когда-то знали это, но не могутъ вспомнить въ случаѣ надобности. Не надежно то умопредставленіе, которое не повинуется волѣ, и нельзя похвалить того обученія, изъ котораго выходятъ съ такими нетвердыми знаніями. Далѣе—*все, что выучено*, должно быть *непрерывно повторяемо* въ свое время. Кто заставляетъ что нибудь учить, почти навѣрное зная, что ученику не доведется повторять выученнаго, или самъ не любитъ заниматься съ учениками повтореніями, тотъ самъ виноватъ, что ученики рано или поздно забудутъ сообщенныя имъ свѣдѣнія, и слѣдовательно время обученія ихъ надобно будетъ считать потеряннымъ. Но, съ другой стороны, *не слѣдуетъ и заставлять учить наизусть то, что заведомо не можетъ быть надолго запомнено*: пусть лучше ученики себѣ запишутъ это, или пусть справляются по книгѣ. Зато, что необходимо всегда помнить, то заставляя учениковъ твердить изо всѣхъ силъ, особенно *основныя* познанія, къ которымъ должны потомъ примыкать всѣ послѣдующія. Учитель самъ обязанъ помогать затверженію ихъ, возвращаясь при всякомъ удобномъ случаѣ къ этимъ познаніямъ

и напоминая ихъ ученикамъ. Такъ поступалъ великій учитель народовъ, который, напоминая своимъ ученикамъ однѣ и тѣ же начальныя истины св. вѣры, говорилъ: *писать вамъ о томъ же для меня не тѣлостно, а для васъ твердо. Въ третьихъ, прочность обученія требуетъ, чтобы оно не ограничивалось школою, но совершалось и внѣ ея—дома, съ помощію чтенія и разнаго рода упражненій.* Всякое знаніе бываетъ прочно особенно тогда, когда оно плодъ собственной, личной работы, домашнихъ, частныхъ упражненій. Только этимъ путемъ предметъ окончательно сближается, сродняется съ нашею душою, дѣлается намъ *своимъ, близкимъ.* Тоже должно сказать и о познаніяхъ дѣтей. Итакъ учитель долженъ имѣть тщательный надзоръ за чтеніемъ и другими домашними упражненіями учениковъ, поощрять и повѣрять ихъ въ этомъ. Повѣряя въ частности тѣ или другія занятія ихъ, онъ обязанъ еще стараться вообще развить въ нихъ, такъ сказать, *нравственную памятьливость,* при которой ученикъ не смѣлъ бы забывать своего дѣла какъ въ классѣ, такъ и дома: здѣсь лежатъ основаніе его будущей добросовѣстности. Но тутъ переходимъ уже къ новому качеству истиннаго обученія. Это

и) Возбужденіе въ дѣтахъ *собственной любознательности или умственной самостоятельности съ извѣданными истинами.* Знанія не должны быть сообщаемы въ видѣ совершенно *изготовленнаго,* такъ чтобы ученику ничего болѣе не оставалось, какъ только принять ихъ и хранить въ памяти: учитель не долженъ подражать дурной нянѣ, которая даетъ малюткѣ пищу пережеванную. Успѣхи обученія опредѣляются не столько тѣмъ, что и какъ много дѣлаетъ учитель, сколько тѣмъ, что и какъ дѣлаетъ ученикъ. Случается, что учитель знаетъ самъ немного, не имѣетъ особеннаго педагогическаго искусства, но владѣетъ однимъ дорогимъ искусствомъ возбуждать учениковъ къ упражненіямъ и занятіямъ, которыми приу-

чаютъ ихъ къ умственной самодѣтельности. Итакъ—а) если учитель дѣлаетъ то, что могутъ сдѣлать сами ученики, если, напримѣръ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія, которыя ученики приоб-
рѣли бы и сами собою, потому что эти свѣдѣнія относятся къ предметамъ, которые легко можно видѣть, осязать, наблю-
дать и испытывать; то онъ вредитъ ихъ умственной само-
дѣтельности. Пусть они сами смѣло измѣряютъ, исчисляють
разсматриваютъ, оцѣниваютъ то, что доступно имъ: дѣло учи-
теля лишь поправить, если они въ чемъ ошибаются. Изъ маль-
чика, который, если можетъ, самъ измѣряетъ разстояніе между
двумя предметами, не ограничиваясь затверженіемъ наизусть
числа, означающаго то разстояніе по измѣренію другихъ,
изъ такого мальчика навѣрное выйдетъ человѣкъ съ наклон-
ностію къ умственной самодѣтельности. Далѣе б) если уроки,
преподаваемые учителемъ, не оставляютъ на долю учениковъ
никакихъ задачъ, вызывающихъ ихъ на собственныя изыска-
нія, размышленія, если вообще занятія учителя съ учениками
не сопровождаются самостоятельною работою ихъ самихъ; то
это также неблагоприятно для развитія умственной самодѣ-
тельности. Возбуждая въ ученикахъ духъ изслѣдованія, учи-
тель не долженъ воспрепятствовать имъ идти къ цѣли своей и путями,
своими. ~~Учитель не долженъ воспрепятствовать имъ идти къ цѣли своей и путями, своими.~~ Ибо, хотя цѣли одна, но къ ней ведутъ разные пути. Учитель не отверг-
нетъ и сдѣланнаго ученикомъ вывода, хотя бы выводъ этотъ
не былъ согласенъ съ его собственнымъ, если онъ только
вѣренъ по-своему. Конечно, всѣ подобныя изслѣдованія не
должны относиться къ высокимъ и отвлеченнымъ предметамъ,
превышающимъ силы учениковъ. Въ послѣднемъ случаѣ они
навыкнутъ лишь пустословить, или выдавать чужія находки
за свои, или надмѣваться своимъ дѣломъ, и одна открытая
ими истина поведетъ ихъ къ двадцати заблужденіямъ. в) Съ
тѣмъ вмѣстѣ должно остерегаться, чтобы возбуждаемая въ

ученикахъ склонность къ изслѣдованію не развилась *ишь въ склонность къ сомнѣнію, отрицанію*. Поэтому не поднимай въ нихъ сомнѣній во всѣхъ областяхъ вѣдѣнія и особенно такихъ сомнѣній, которыхъ нельзя тотъ-часъ рѣшить; лучше умолчи о своихъ собственныхъ сомнѣніяхъ, принявъ одно какое либо мнѣніе за истинное, кромѣ предмета всѣмъ завѣдомо спорнаго. Пусть мыслительность воспитанника сперва окрѣпнеть вообще на предметахъ несомнѣнныхъ: въ послѣдствіи она не подвергнется заблужденію и въ предметахъ болѣе затруднительныхъ. Пусть ученикъ укрѣпляется въ готовой, основной и несомнѣнной истинѣ, пока прійдутъ ему въ голову какія-либо сомнѣнія и недоумѣнія, а это случается нерѣдко за предѣлами училища. Все сказанное особенно примѣняется къ обученію религіозному. Здѣсь учитель долженъ помнить слово вѣчной истины: *если не уверуете, то и не уразумѣете*. Безъ вѣры не къ чему прикнуть, не на чемъ созидать разумѣнія богооткровеннаго ученія, въ которомъ многое непостижимо для разума. Всякое толкованіе учителя съ цѣлію возбудить религіозное сомнѣніе прямо грѣшно. Вѣру пужно насаждать, сомнѣнія приходятъ сами собою; вѣра счастливить, сомнѣніе тревожить. d) Избѣгая этихъ и подобныхъ крайностей при возбужденіи въ ученикахъ духа изслѣдованія, учитель обязанъ развивать въ нихъ *уваженіе къ великимъ авторитетамъ въ наукѣ и религіи*. Еслибы въ дѣлѣ изысканія истины каждому предоставлено было надѣяться лишь на собственныя силы; то путь таковаго изысканія устѣянъ былъ бы несравненно болѣе терніями невѣдѣнія и заблужденія, чѣмъ плодами истиннаго познанія, которое въ весьма многомъ и весьма для многихъ было бы и недостижимо. Но истина въ наукѣ и жизни есть, какъ сказано уже, пріобрѣтеніе вѣковъ и поколѣній, наживаемое, сберегаемое и возвращаемое особенно трудами избранныхъ дѣлателей, которые ее

открываютъ, выясняютъ, утверждаютъ для всѣхъ. Къ ихъ руководству долженъ съ уваженіемъ обращаться всякій, особенно начинающій изыскатель истины, не напрягая и не истощая безплодно своихъ незрѣлыхъ и неопытныхъ силъ въ трудѣ какъ бы одиночномъ и безпомощномъ, а также и не позволяя себѣ, въ излишней самоувѣренности, ставить свои молодые взгляды и небольшіе опыты выше изслѣдованій знатоковъ дѣла. Скромность прилична юности и въ умственномъ, какъ и въ нравственномъ отношеніи. Нужно ли говорить, какъ важно еще непосредственное, психическое вліяніе на воспитанника живыхъ, цѣлыхъ образовъ лучшихъ людей науки и вѣры, образовъ выражающихъ черты высоко-развитаго и истинно употребленнаго дарованія, безкорыстнаго и неутомимаго труженничества, самопожертвованій изъ любви къ наукѣ, къ истинѣ? Нужно ли говорить, что такими просвѣщающими и паидающими образами особенно плодотвита область вѣры и церкви?

і) Къ объясненнымъ уже *внутреннимъ качествамъ* истиннаго обученія должны быть присоединены еще нѣкоторыя *внѣшнія качества* его, какъ-то: *правильность вѣсѣхъ вообще формальныхъ дѣйствій* и въ особенности *красота изложенія мыслей*. Каждое формальное дѣйствіе учителя должно быть не только отчетливо, точно, вѣрно, но и образцово: это придаетъ больше ясности и выразительности тѣмъ умопредставленіямъ, къ какимъ относятся его дѣйствія, способствуетъ къ болѣе вѣрному и прочному усвоенію сообщаемыхъ ученикамъ свѣдѣній, умопредставленій. Такъ учитель долженъ точно и отчетливо выполнять *чертежи* географическіе, историческіе, слѣдующіе образцовымъ картамъ; аккуратно, вѣрно, притомъ ловко, безъ заминокъ и частыхъ поправокъ, дѣлать измѣренія, вычисленія и проч.; *писать* слова и фразы на доскѣ вѣрно грамматически, четко, а если можно, то и стройно, красиво;

вѣрностію, разборчивостію должно всегда отличаться письмо его въ *запискахъ*, даваемыхъ ученикамъ. Рѣчь его должна отличаться звучностію, внятностію произношенія, вѣрностію и отчетливостію выговора по отношенію къ буквамъ, удареніямъ, окончаніямъ, умѣренною быстротою и соразмѣрною разстановкою. Природные недостатки могутъ, конечно, извинять учителя за невыполненіе такого требованія; но онъ долженъ стараться по крайней мѣрѣ исправлять эти недостатки, въ чемъ нѣмало и успѣвали значительно. Наконецъ, языкомъ преподаванія и вообще языкомъ школы долженъ быть не какой либо областной говоръ или нарѣчіе, а общій, образованный языкъ, т. е. у насъ языкъ великорусскій, образовавшійся въ общерусскій ¹⁾. Учитель долженъ быть вполне привыченъ къ этому языку, такъ чтобы могъ излагать на немъ свои мысли съ совершенною свободою и правильностію. Если учитель строго и постоянно наблюдаетъ правильность указанныхъ формальныхъ дѣйствій при обученіи, то она не замѣтно будетъ усваиваться и учениками, но свойственной дѣтямъ переимчивости и подражательности, что впрочемъ не освобождаетъ учителя отъ обязанности настойчиво пріучать ихъ къ такой правильности. Высшее изъ внѣшнихъ качествъ истиннаго обученія есть *красота мыслей и мыслей*. Они требуютъ устраненія изъ преподаванія всякихъ образовъ и выраженій грубыхъ, непристойныхъ, вообще оскорбляющихъ нравственное и эстетическое чувство: если въ содержаніи преподаваемого встрѣчается что либо безобразное, котораго однако совершенно обойти не можно, то оно должно быть прикрито выраженіемъ и не излагается съ подробностями. Далѣе, красота изложенія противны высокопарность, изысканное витѣство, многословіе, страсть къ преувеличеніямъ въ оборотахъ,

¹⁾ Эта мысль обстоятельно выяснена въ «дидактическихъ совѣтахъ для наставниковъ народныхъ училищъ», издеч. въ «Воскр. Чтеніи» 1866—7 г.

изображеніяхъ и т. п.,—что все доказывало бы, что учитель гоняется болѣе за громкими фразами, чѣмъ за мыслями, или думаетъ первыми возвысить и усилить послѣднія, между тѣмъ какъ слово должно лишь итти въ уровень достоинству мысли. Съ положительной стороны въ условія красоты изложенія входятъ: плавность и стройность, живость и изобразительность изложенія, наконецъ нѣкоторое достоинство и привлекательность рѣчи. Такимъ искуснымъ или изящнымъ изложеніемъ можно придать интересъ и самому маловажному предмету, вообще заохотить учениковъ и къ слушанію и къ обученію. Хотя указанная качества изящнаго изложенія мыслей наиболѣе зависятъ отъ природнаго дара, но они могутъ быть и развиваемы въ себѣ учителемъ, если только онъ будетъ дѣлать свое дѣло отъ души, отъ сердца. Но здѣсь мы переходимъ уже къ другому общему или основному началу обученія, состоящему въ благодушности или охотности. На этомъ переходѣ слѣдуетъ намъ однако обозначить еще одно качество обученія, которое, ограждая свободное развитіе неисчисленныхъ качествъ истинности обученія, служить также необходимымъ условіемъ благодушности или охотности его. Это

к) *Независимость обученія, во-первыхъ, отъ внѣшнихъ вліяній—эгоизма родителей и отъ вліяній напослѣдѣ, во-вторыхъ, отъ собственныхъ самолюбивыхъ стремленій учителя.* Во всей учебной дѣятельности своей учитель обязанъ выполнять лишь то, что требуется самимъ существомъ дѣла, вѣрно слѣдовать началамъ истиннаго обученія, какія указываютъ наука, опытъ и св. вѣра, и быть свободнымъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній, если они не согласуются съ этими началами. Къ чуждымъ вліяніямъ можетъ принадлежать и эгоизмъ родителей, которые часто хлопочутъ болѣе всего о томъ, какъ бы поскорѣе и съ меньшими издержками пристроить своихъ дѣтей, или передать имъ часть домашнихъ работъ, или похвастаться

ихъ нѣвольнымъ успѣхами, и требуютъ, чтобъ и обученіе соображасмо было съ этими ихъ видами. Подобныя требованія чаще бывають у родителей простыхъ, невѣжественныхъ. Но нерѣдко и кажущіеся образованными родители такъ легко и поверхностно судятъ о потребностяхъ истиннаго образованія, что для нихъ довольно, если дѣти ихъ учатся *чему нибудь и какъ нибудь*, лишь бы они или безостановочно изъ класса въ классъ, чего и добиваются они отъ учителей и училищныхъ начальствъ. Бывають и такія среды, гдѣ родители учащагося юношества хотѣли бы примѣшивать къ дѣлу воспитанія и обученія сословныя предразсудки, или политическіе виды, въ неизбѣжный ущербъ основнымъ требованіямъ и цѣлямъ истиннаго обученія. Со всѣми этими и подобными проявленіями вмѣшательства родителей учитель долженъ бороться во имя науки и своего долга. Неблагопріятнымъ можетъ оказываться также вмѣшательство и другихъ вліятельныхъ особъ, можетъ быть иногда даже такихъ, которыя призваны къ опекаѣ или начальствованію, заведыванію училищами. Старыя учебныя приемы и привычки могутъ быть въ нихъ такъ крѣпки и столь любезны имъ, что они хотѣли бы подчинять имъ и современное обученіе, хотя бы та старина потеряла уже свою пригодность. Еще хуже, когда у такихъ особъ укрѣпилась безотчетная страсть къ постоянному указничеству, помыканью исполнителями лицами, или увѣренность въ непогрѣшимости своихъ идей и сужденій, въ способности сразу замѣчать и вѣрно рѣшать и рядить все въ дѣлѣ обученія, хотя бы наблюденія ихъ надъ этимъ дѣломъ были слишкомъ недавни, бѣглы, случайны, поверхностны. Умѣя, при столкновеніи съ подобнымъ вмѣшательствомъ, оставаться въ предѣлахъ долга и требованій науки, учитель съ другой стороны не долженъ поставлять успѣхъ своей дѣятельности лишь въ *наружной показности* успѣховъ обученія предъ

родителями или другими лицами, которымъ онъ обязанъ отчетомъ въ своей дѣятельности. Грѣшно было бы съ его стороны пользоваться неспособностію такихъ лицъ оцѣнить по-длинныя успѣхи обученія, или невозможностію замѣтить и излѣдять ихъ по краткости времени или другимъ обстоятельствамъ. Если онъ обманываетъ другихъ, то ученики сочтутъ позволительнымъ обманывать его, да и самъ онъ наконецъ станетъ обманываться. Дѣйствуя лишь напоказъ, учитель, безъ сомнѣнія, дѣйствуетъ не по совѣсти. Тоже должно сказать, когда учитель обращаетъ обученіе въ ремесло, располагаетъ предметы и уроки такъ, чтобы ему самому было покойнѣе, вообще, постигая истинныя требованія въ теоріи, на практикѣ примѣшиваетъ къ нимъ разные суетные и самолюбивые виды и матеріальные расчеты. Конечно, подобныя дѣйствія могутъ отчасти извиняться стѣсненностію вѣнцѣнаго положенія учителя, относительною неблагодарностію учебнаго труда въ сравненіи съ нѣкоторыми другими. Но изъ-за этого онъ все-таки не долженъ терять изъ виду высшей цѣли своего труда, идеала истиннаго обученія, а чувство долга и любовь къ призванію доставятъ ему *благодаріе* въ его тяжеломъ, учебномъ труженничествѣ. Но къ разъясненію этого начала обученія мы приступимъ въ слѣдъ главѣ.
